

• •

[Stable URL: <http://elar.uni-yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3122>]

[:]
. . 2007:
// IVS ANTIQVVM. . 19, 96-100.

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

С. В. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ*

**ЛАТЕНТНЫЕ ЦЕЛИ
АНТИКОРРУПЦИОННОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ДРЕВНЕРИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Цель данной статьи – познакомить с некоторыми выводами, полученными в результате исследования антикоррупционной политики Древнеримской Республики.

Пять лет назад, в самом начале этого исследования, внушительный перечень антикоррупционных законов¹ казался мне неоспоримым доказательством активной и непримиримой позиции римского государства к любым коррупционным проявлениям.

Однако историко-социологический анализ процесса антикоррупционного законодательства и практики применения антикоррупционного законодательства² заставил усомниться в наличии действительной государственной воли Древнего Рима противостоять коррупции.

Кажущаяся на первый взгляд достоинством высокая интенсивность принятия *leges de repetundis*, *leges de ambitu* и смежных с ними законов³ свидетельствует, с одной стороны, о прогрессирующей динамике коррупционных проявлений, с другой – о низкой эффективности антикоррупционного законодательства.

Как известно, эффективность закона проявляется в соотношении между целью его принятия и полученным результатом. Идеальная модель правотворчества исключает возможность наличия других, непродекларированных в законе целей.

Однако реальный законодательский процесс не может быть свободен от условий экономического, социального, политического, идеологического, религиозного, нравственного характера. Поэтому за фасадом легально обозначенных перспектив присутствуют иные, неочевидные, латентные цели законодательской инициативы.

Чем больше дисбаланс между явными и скрытыми мотивами законодательства, тем выше опасность просчетов в правообразовании и дефектов права.

К примеру, комментируя *lex Sempronia Iudiciaria* 122 г. до н. э. о составе постоянных судебных комиссий (*quaestio repetundarum*), Аппиан пишет, что Гай Грах «передал су-

* Александровская Светлана Валериевна – кандидат юридических наук, доцент юридического факультета, Кубанский государственный университет, филиал в г. Новороссийске. Статья сделана на основе доклада, прочитанного на IV международной конференции «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права», Иваново (Суздаль) – Москва, 25–30 июня 2006 г. Данное исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Власть и общество в истории».

¹ *Lex XII Tab.* IX. 3. *Leges de repetundis* и смежные с ними законы: *lex Cincia* – 202 г. до н. э.; *lex Calpurnia* – 149 г. до н. э.; *lex Acilia* – 122 г. до н. э.; *lex Servilia* – 111 г. до н. э.; *lex Cornelia* – 81 г. до н. э.; *lex Iulia* – 59 г. до н. э.; *lex Pinaria Furia Postumia* от 432 г. до н. э. *Leges de ambitu*: *lex Poetelia* – 358 г. до н. э.; *lex Cornelia Baebia* – 181 г. до н. э.; *lex Cornelia Fulvia* – 159 г. до н. э.; *lex Cornelia* – 81 г. до н. э.; *lex Antia* – 71 г. до н. э.; *lex Aurelia* – 70 г. до н. э.; *lex Calpurnia* – 67 г. до н. э.; *lex Fabia* – 65 г. до н. э.; *lex Tullia* – 63 г. до н. э.; *lex Aufidia* – 61 г. до н. э.; *lex Pompeia* – 52 г. до н. э.; *lex Iulia* – 18 г. до н. э.

² Александровская С. В. Антикоррупционная концепция в праве древнеримской республики (V–I вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.

³ Законы, эволюционирующие механизм избирательных процедур: *lex Villia* – 180 г. до н. э.; *lex Gabinia* – 139 г. до н. э.; *lex Papiria* – 131 г. до н. э.; *lex Maria* – 119 г. до н. э.; *lex Cornelia* – 88 г. до н. э.; *lex Cornelia de magistratibus* – 81 г. до н. э.; *lex Cornelia de tribunicia potestate* – 81 г. до н. э.

ды, потерявшие свой престиж из-за допускаявшегося в них взяточничества, от сенаторов всадникам» (*App. V. C. I. 22*).

В обоснование кардинальной замены судей Гай афишировал свое намерение положить конец тем злоупотреблениям, которые чинили провинциальные наместники. В силу судебной реформы ставленники сената лишались былого покровительства судебных властей. Однако, ограничив самостоятельность провинциальной администрации, Гай чрезвычайно расширил возможности всадников. Если раньше, занимаясь ростовщичеством и откупом налогов, они часто конфликтовали с римскими наместниками, теперь, благодаря новому составу судебных комиссий, они получили великолепную возможность контролировать деятельность наместников в своих интересах.

В результате положение провинциалов только ухудшилось, а судебная реформа спровоцировала необходимость поиска компромисса между государственно-властными и коммерческими структурами. Таким образом, закон, призванный бороться с коррупцией, усовершенствовал механизмы коррупционных правонарушений.

Наместники провинций, получая крупные взятки, смотрели сквозь пальцы на злоупотребления откупщиков, выделяли им в помощь войска, подавляли недовольство провинциальных жителей. Как пишет Диодор, «азиатские публиканы были компаньонами римских судей и делали то, что хотели, наполняя провинции произволом и преступлениями» (*Diod. XXXVII*)⁴

Боюсь, что у наместников не было иного выхода. В том же 122 г. до н. э. *lex Acilia repretundarum* усугубила возможности судебного шантажа сенаторов со стороны всадников. Закон преобразовал процесс о вымогательстве в провинции в *iudicium publicum*, увеличил возмещение ущерба до двойного размера, предусмотрел присвоение римского гражданства переграм, сообщавшим о правонарушении магистратов, чем окончательно сделал провинциальную власть заложницей всаднического сословия⁵

Как пишет Аппиан (*V. C. I. 22*), «против богатых всадники выдвигали подосланных обвинителей». А еще – против честных... В конце 90-х гг. до н. э. по обвинению в вымогательствах был привлечен к суду легат наместника Азии Публий Рутилий Руф (порядочный человек, по роду службы преследовавший зарвавшихся римских откупщиков, не пренебрегал казнью агентов публиканов, уличенных в особо тяжких преступлениях). В результате откупщики привлекли Руфа к суду. Несмотря на всю надуманность обвинения, он был осужден на изгнание с конфискацией имущества. Он удалился в изгнание в ту самую провинцию, которую «ограбил», и был встречен там с чрезвычайным почетом (*Cic. Brut. 85; Vell. Pat. II. 13. 2*).

Когда в 106 г. до н. э. сенат попытался вернуть себе судейское достоинство (консул Гней Сервилий Цепион предложил поровну распределить судейские места между сенаторами и всадниками), законопроект не прошел, а его инициатор сам оказался в положении обвиняемого.

В 104 г. до н. э. Цепион был осужден чрезвычайной судебной комиссией (дело о «Толосском золоте»), его имущество конфисковано, а сам он отправлен в ссылку в г. Смирну⁶

⁴ Очевидно коррупциогенный характер носили: *lex Sempronia frumentaria* – 123 г. до н. э.; *lex Sempronia de provincia Asia*, *lex Apuleia frumentaria* – 100 г. до н. э.; *lex Pompeia Licinia de tribunicia potestate* – 70 г. до н. э.; *lex Manilia de libertionarum suffragiis* – 67 г. до н. э.; *leges Clodia* – 58 г. до н. э.

⁵ *App. V. C. I. 22*: «Ибо представление всадникам судейских полномочиями над римлянами, всеми италийцами и самими сенаторами, полномочие карать их любыми мерами воздействия, денежными штрафами, лишением гражданских прав, изгнанием – все это вознесло всадников как магистратов над сенатом, а членов последнего сравняло со всадниками или даже поставило их в подчиненное положение... Продвигаясь в своем значении вперед, всадники не только стали заправлять всем в судах, но даже начали неприкрыто издеваться над сенаторами. Они переняли от последних свойственное им взяточничество, и, получив вкус к наживе, еще более позорно и неумеренно пользовались возможностью служить ей... Обычай требовать отчет от должностных лиц вообще пришел в забвение, и судейский закон Гракха на долгое время повлек за собой распрю, не меньшую прежних».

⁶ *Lex Norbana de auri tolosani quaestione* (*Cic. Tusc. 5. 5; Idem. Pro Balb. 11; Val. Max. IV. 7. 3; Gell. III. 9*).

В том же 104 г. до н. э. народный трибун Сервилий Главций провел *lex Servilia iudiciaria*, подтверждавшую всаднический состав судебных коллегий.

В 104 г. был также принят очередной антикоррупционный закон: посредством *lex Servilia Glaucia repetundarum* перечень наказаний за вымогательства был дополнен бесчестием, лишением политических прав и распространением требований о возврате недолжно полученного на третьих лиц⁷

Очевидно, что борьба за будущий закон начинается не в народном собрании, парламенте, палате представителей или бундестаге. Концепция правотворческой инициативы формируется задолго до выборов. В период предвыборной агитации благородные цели права (поиск общественного компромисса и торжество социальной справедливости, включая борьбу с коррупцией) становятся ключевыми лозунгами политической риторики. Реальные (и, как правило, далекие от *bona fides, aequitas, officium* и *utilitas*) интересы классов, сословий, групп, кланов, партий остаются в тени. Но именно они в конечном итоге определяют вектор будущей государственной политики.

Не случайно древнеримская демократия испытывала постоянный прессинг electoralной коррупции. К числу первых попыток правовой фиксации *ambitus* следует отнести *lex Pinaria Furia Postumia* от 432 г. до н. э. Комментируя *lex Pinaria*, Ливий пишет: «чтобы покончить с искательством, кандидатам запрещалось оторачивать белым одеждой, выказывая этим свои домогательства... ныне это показалось бы пустяком, а тогда вызвало жаркие споры между плебеями и патрициями» (*Liv. IV. 25*).

При всех сомнениях в дате принятия закона и его содержании нельзя игнорировать ситуацию напряженного сословного конфликта, инициирующего правовое оформление избирательных процедур.

Далее последовала целая серия *leges de ambitus*. Перечисленные во 2-м фрагменте законы демонстрируют нарастающую интенсивность их принятия: 432 г., 358 г., 181 г., 159 г., 81 г., 71 г., 70 г., 67 г., 65 г., 63 г., 61 г., 52 г., 18 г. Проецируя эти даты на исторические события, нетрудно заметить политическую обусловленность антикоррупционного законодательства.

Знаменитые *lex Pompeia de ambitu* и *lex Pompeia de vi* помимо ужесточения наказания (вплоть до пожизненного изгнания) предполагали возможность обратной силы закона и привлечения к ответственности всех виновных, начиная с 70 г. до н. э.⁸ Цезарианцы небезосновательно увидели в этом попытку дестабилизировать положение своего лидера, однако Помпей декларировал вполне благородные намерения: «Он берет такой большой срок (18 лет!) для радикального исправления государственного устройства, издавна подвргающегося порче». Тем не менее истинные мотивы законотворческой инициативы Помпея скрыть не удалось: «Изгнанники из Рима, приезжая к Цезарю, убеждали его остерегаться Помпея, так как он и закон о подкупе установил, имея в виду его»⁹

Пытаясь понять законотворческую логику создателей Архипелага Гулаг, Александр Солженицын пишет: «За исключением считанных парламентских демократий в считанные десятилетия вся история государств есть история переворотов и захватов власти. И тот, кто успевает сделать переворот проворней и прочней, от этой самой минуты осеняется светлыми ризами Юстиции, и каждый прошлый и будущий шаг его – законен и отдан одам, а каждый прошлый и будущий шаг его неудачливых врагов – преступен, подлежит суду и законной казни»¹⁰ Как видим, у первого Рима и третьего Рима немало общих болевых точек.

⁷ *Tac. Ann. XII. 60; Cic. Brut. 224; Idem. I Verr. 1. 26; Idem. Pro Rab. Post. 9; Idem. Pro Balb. 54.*

⁸ *Cic. Brut. 95; App. В. С. II. 23: «Помпей провел закон, что всякий желающий может требовать от магистрата отчета, начиная с его, Помпея, первого консульства и вплоть до настоящего времени».*

⁹ *App. В. С. II. 23: «Друзья Цезаря подозревали Помпея в том, что он взял такой большой срок, желая нанести оскорбление Цезарю по злобе на него. Поэтому они советовали Помпею лучше заняться исправлением настоящего, чем докучать за прошлое столь достойным людям».* *App. В. С. II. 25.*

¹⁰ *Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. М., 1991. Т. 1. С. 255.*

Так что же в конечном итоге определяет содержание закона, которому мы обязаны подчиниться? Что исполняет роль действительного пускового механизма законотворческой инициативы?

Цель... «Цель создает право», – утверждает Рудольф фон Иеринг, для которого право, создаваемое государственной властью, есть лишь политика власти¹¹ И если в отношении частного права эта позиция уязвима, то в отношении права публичного она выглядит безупречной. Историческая ретроспектива антикоррупционной политики Рима прямое тому доказательство.

Цель движет правом. Не декларируемая, а, как правило, тщательно скрываемая, цель на уровне властного, амбициозного или примитивно меркантильного интереса.

Публичное право – результат борьбы интересов. Соотношение законотворческих сил обуславливает соотношение двух важнейших законотворческих принципов – правовой легитимности и общесоциальной легитимности. Первый принцип предполагает осуществление правоустановительной деятельности строго в установленных формах и процедурах. Второй принцип требует открытого, общедоступного, публичного характера правоустановительного процесса, опирающегося на широкую базу социального ожидания.

Только равновесие этих принципов может гарантировать эффективную правовую политику, в том числе и антикоррупционную.

Покуда латентные цели законотворческого процесса будут довлеть над его принципами, мы будем удивляться странным антикоррупционным законам, а философия и теория права будут оперировать такими странными категориями, как «неправовой закон» и «незаконное право».

S. V. ALEKSANDROVSKAJA

I FINI LATENTI DELLA LEGISLAZIONE CONTRO LA CORRUZIONE IN ROMA REPUBBLICANA

(RIASSUNTO)

La grande intensità di approvazioni delle *leges de repetundis*, *leges de ambitu*, nonché di leggi affini, che a prima vista sembra di un certo pregio, dimostra, da un lato, il crescente dinamismo delle forme di corruzione nella Roma repubblicana, e dall'altro, la poca efficienza della legislazione contro corruzione.

E' chiaro, che le dispute per ottenere l'emanazione di una legge non cominciano nell'assemblea popolare, o per quanto riguarda la realtà moderna nel Parlamento, nella Camera dei deputati o nel Bundestag. La concezione dell'attività creativa in campo giudiziario si

manifesta molto prima delle elezioni. Nel periodo elettorale i nobili fini del diritto (come la ricerca del compromesso sociale e il trionfo della giustizia, ivi compresa la lotta contro la corruzione) diventano slogan chiave della retorica politica. Gli interessi reali (di regola, lontani dalla *bona fides*, dall'*aequitas*, dall'*officium*, dall'*utilitas*) delle classi, dei ceti, dei gruppi, dei clan e dei partiti determinano, in ultima analisi, l'orientamento della futura politica statale.

Che cosa funge da meccanismo di avviamento per l'attività creativa nel campo legislativo? «Il fine

¹¹ «Der Zweck ist des Schöpfer des ganzen Rechtes»... «Die Gewalt gelangt zum Recht nicht als zu etwas ihr Fremdem, das sie von ausserhalb vom Rechtsgefühl entlehnen und nicht als zu etwas Höheren, dem sie im Gefühl ihren interiorität sich unterornen müsste, sondern sie treibt das Recht als Mass ihrer selbst aus sich heraus – das Recht als Politik Gewalt». *Iherihg R. von. Zweck im Recht*. 1884. Bd. I. S. 176.

crea il diritto», afferma Rudolph von Jering. Ma se questa posizione nei riguardi del diritto privato ha dei punti deboli, nei riguardi di quello pubblico rimane inappuntabile.

La retrospettiva storica della politica romana di lotta contro la corruzione rappresenta una prova diretta.

Il fine muove il diritto. E non quel fine dichiarato, ma, di regola, un fine, accuratamente

nascosto, a livello dell'interesse del potere, ambizioso o primitivamente mercantilistico.

Fino a quando i fini latenti dell'attività di creazione delle leggi determineranno i suoi principi, noi dovremo meravigliarci delle strane leggi contro la corruzione, mentre la filosofia e teoria del diritto useranno quelle strane categorie come «legge non giuridica» e «diritto illegittimo».